

Какой город не хотел бы иметь памятник своему основателю? Впрочем, иногда его — основателя — не рассмотреть сквозь толщу времени, трудно выделить «в толпе» первых поселенцев. А иногда просто не знаешь, откуда счет вести — в былые времена не устанавливали закладной камень...

Федор Андреевич Матисен умер за десять лет до того, как на берегах бухты Тикси появились первые постоянные жители, но именно он сделал все, чтобы возник здесь порт и поселок. Ему принадлежит первая подробная карта этих мест, он исследовал условия плавания через устье Лены, а также угольное месторождение. В первой четверти нашего века семь раз проделал он путь в Тикси и обратно: морем, рекой, сухопутным путем.

В 1902 г. Федор Андреевич впервые познакомился с бухтой Тикси. Пытаясь войти в Лену, он решил выяснить доступность Быковской протоки для яхты «Заря», командиром которой он был "в то время. 9 сентября на двух нартах, запряженных восемью оленями, он перетащил шлюпку-четверку через перешеек, отделяющий бухту Тикси от залива Неелова. Понимая, что «Зарю» не удастся провести через необследованный бар, Матисен поставил ее на внутреннем рейде.

На следующий год Матисен был послан в Тикси для разоружения «Зари» и передачи ее фирме А. Громовой. Добравшись из Петербурга в Якутск, а далее на оленях, он прошел долиной реки Хараулах, а затем по западному берегу губы Буорхая. Весной и летом 1903 г. Матисен составил первую подробную и точную карту бухты Тикси. По берегам он расставил 17 триангуляционных знаков, разбил базис. Съёмку он выполнял с помощником-казак.

В тот год бухта необыкновенно рано очистилась ото льда, и Матисен сразу же приступил к ее промерам. «Ни разу раньше паровому катеру не приходилось так много работать и приносить столько пользы, как в это лето», — пишет он в отчете. Побывал Федор Андреевич и на острове Муоста"Х, который оказался заметно меньше, чем по съёмке почти столетней давности штурманского помощника Ильина из экспедиции П. Ф. Анжу. Затем на оленях съездил на мыс Быков, для того чтобы связать свою съёмку с астропунктом Н. Д. Юргенса.

После этого - вновь на оленях - Матисен отправился исследовать водораздел между бухтой Тикси и Леной и побывал около самой большой вершины Хараулахского хребта. 6 августа спустили флаг на «Заре» и отправились в Якутск на знакомом пароходе «Лена». Следующая встреча Матисена с Тикси произошла только через шестнадцать лет...

В 1919 г. Матисен был направлен молодой Советской властью для участия в гидрографической экспедиции Восточно-Сибирского района Северного Ледовитого океана.'

Оказавшись в 1919 г. на занятой белогвардейцами территории, Матисен установил контакт с учеными Сибири и с помощью золотопромышленников организовал небольшую рекогносцировку к устью Лены. К сожалению, ввиду позднего прибытия он смог пробыть там всего неделю.

Через год, сразу после восстановления Советской власти в Восточной Сибири, Матисену было поручено возглавить экспедицию для гидрографического обследования устья Лены — Первую Советскую арктическую экспедицию. Сколько их потом будет — больших и малых? Десятки, а может быть, сотни тысяч. Но эта была первой!

У нас появилась возможность рассказать о ней с помощью ранее не публиковавшегося

дневника Ф. А. Матисена. Эту небольшую, карманного формата тетрадочку в клеточку, плотно, без абзацев исписанную карандашом неразборчивым «старорежимным» почерком с буквой «ять», я видел в семье Евгеновых. Когда встал вопрос об издании книги о Н. И. Евгенове, этот дневник принесла мне его дочь Ирина Николаевна. Дневник вызывал уважение. Он прошел через многие жизненные испытания в семье Евгеновых, уцелел во время ленинградской блокады. Шесть десятков лет назад его трепали арктические ветры, мочили дожди и соленые брызги моря Лаптевых. У автора не всегда был стол — писать приходилось и в валкой шлюпке, и на тундровой кочке, оставляя на страницах следы раздавленных комаров. А самое главное, это были «не причесанные» официальной формой отчета фразы, а записи, выражавшие искренние чувства начальника и инициатора Первой Советской арктической экспедиции.

«Оглядываясь назад, — пишет в дневнике Матисен, — удивляешься, что в такое трудное время, в такой короткий срок удалось организовать экспедицию, снабдив ее в достаточной мере необходимым. Ведь только 22 апреля, после окончательного переговора с Евгеновым, было приступлено к реальным действиям по снаряжению экспедиции, а 17 мая выехала первая партия. Значит, организационный период продолжался всего 25 дней».

Ближайшими помощниками Матисена помимо Н. И. Евгенова были бывшие морские офицеры П. К. Хмызников, Ю. Д. Чирихин, Н. П. Исполатов, техники Л. Г. Степаненко, А. А. Малиновский, А. Е. Зуев, М. М. Тарабыкин, комиссар В. Н. Колычев. Из рядового состава экспедиции в Иркутске были приняты боцманы Б. П. Анкудинов и А. М. Наумов, рабочие Н. Д. Стовер и С. П. Душанов, а также исполнявший обязанности рабочего художник Н. А. Андреев. Все они запечатлены на фотографии из семейного архива Евгеновых.

Из дневника Матисена узнаем, что вышедший из Иркутска экспедиционный «обоз состоял из 48 лошадей по 10—12 пудов груза на каждую. В Качуге приняли 395 пудов, в Жигалове — небольшое количество, итого грузу не меньше 900 пудов». Впрочем, из Качуга плыли, к удовольствию начальника экспедиции, уже на карбасе, сначала самосплавом, потом на буксире парохода «Повстанец». «Как хорошо на воде! — восхищался он. — Пыли нет, и как просто, дружно живется в наших самых примитивных условиях».

В Качуге, как пишет Матисен, «достали у политкомиссаров, славных ребят, драгунскую винтовку и 100 патронов — последнюю часть нашего снаряжения». По тайге еще шныряли недобитые бандиты.

В Киренске приняли кухаря С. И. Заднепровского и рабочих И. С. Таюрского, А. М. Заробнинга и И. А. Семяннина.

Из Жигалова карбас вниз по реке тащил пароход «Киренск», в Усть-Куте его сменил «Соболь». Им командовал старый знакомый Матисена. «Адольф Петрович Фок, — пишет о нем Матисен, — старый швед, переменивший свою родину на широкие дали Сибири, продолжает плавать на «Соболе». Он едва ли не первый капитан на Лене, прибыл сюда в 1880 году... Он был слесарем на шведском заводе, на котором были заказаны в разобранном виде два парохода: один — для озера Байкал, другой — собственность Сибирякова, для Ангары. После гибели парохода «Оскар Диксон» (Фок шел на нем матросом. — С. П.), принадлежавшего Сибирякову, вместе с грузом около устья Оби Фок в числе семи сотоварищей по бедствию пробрался на шлюпке в Обь до Обдорска, где они были встречены речным пароходом. Остальные семнадцать человек

из команды «Оскара Диксона» не пожелали рисковать снова и предпочли проехать в Обдорск сухим путем на оленях с самоедами, на что потребовалось более трех месяцев. Все поспешили вернуться на запад, Фок же направился дальше на восток, на таинственную Лену, где вскоре стал капитаном».

В Витиме военные власти высадили большую часть экспедиции на берег и повернули «Соболь». Хотя Матисен и был раздражен потерей двух суток и даже отправил в Якутск жалобу на действия оодайбинских комиссаров, но, путешествуя с ними, быстро успокоился. «С их стороны встречаю полную предупредительность, благожелание и вежливость, — записал он 3 июля. — Вечером мирно играли в шахматы, совсем не говорили о делах». Заведующий эксплуатацией водного транспорта А. М. Адалев помог получить моторный катер, официальное уведомление о выделении в Якутске парохода «Лена», баржи «Внучка» и 30 пудов бензина.

Появились и дополнительные трудности: с 1 июня уменьшены пайки. «Пассажиры и команда на каждой остановке бегут в деревню, — пишет

Матисен, — обходят избы и собирают молоко и яйца в допо,,, 'ние к своей провизии».

8 июня пришли в Якутск. Он произвел на Матисена тягостное впечатление: «Дождь, непролазная грязь. Разруха. Мертвый город». Однако именно здесь экспедиция получила свое окончательное оформление. Большую

Участники экспедиции

помощь в этом оказали председатель Якутского ревкома М. К. Аммосов, заведующий областной чертежной В. Н. Соболев.

В Якутске баржу «Внучка» переоборудовали под жилье экспедиционного состава. На три другие баржи — «Белку», «Ольгу» и «Надежную», на которых шли рыбаки на промысел в низовья Лены, погрузили вельбот с «Зари» и живые «консервы» — 16 быков с сеном. 16 июня пароход «Лена» потянул весь караван вниз по реке.

Уже на другой день среди рыбаков на «Надежной» Матисен, к своей радости, встретил своего давнего знакомого Александра Нестеровича Величкина. Еще в 1903 г. он плывал штурвальным на пароходе «Лена», приходившем в бухту Тикси за членами экспедиции Толля, и случайно обнаружил на берегу каменный уголь.

Матисен подробно рассказывает, как это произошло. «Раздобыв на «Заре» винтовку, — пишет он, — Величкин отправился в один прекрасный день на охоту за оленями по берегам речки Сого. Здесь он выстрелил, по его словам, для прицелки в кочку. Подойдя к ней, удивился, увидев отбитый кусок каменного угля, который был принесен им на пароход и показан Торгерсену, Брусневу', командиру парохода «Лена» Ершевскому и мне.

1 И. И. Торгерсен прибыл в Якутию еще в 1878 г. на пароходе «Лена» и жил с семьей в низовьях Лены до 20-х годов нашего века. М. И. Бруснев — политссыльный, участник экспедиции Толля, его именем Матисен назвал в бухте Тикси остров.

149 Не известно, в силу каких побуждений, но местонахождение угля было им в то время скрыто, и, когда заинтересованные лица спросили, где этот уголь был найден, он указал неверное направление, поиски в котором не привели к положительным результатам. Так создавалась легенда о наличии залежей каменного угля в самой бухте Тикси, о чем я упоминал в моем описании рекогносцировочной экспедиции реки Лены в 1919 году».

Теперь Величкин жил в Хатонарымском селении Намского наслега, что в сотне верст от

Якутска, и направлялся на заработки. «Наняли его за 10 аршин ситца и 5 фунтов табака, — пишет Матисен. — От Величкина нельзя добиться толку, где уголь. Пусть покажет сам. Славно будет, если найдем — хотя бы и за пять верст от берега — хороший уголь». Молодой иркутский художник Николай Андреевич Андреев все свободное время рисовал северную природу, жизнь и быт местного населения. Как только проходили мимо таких неповторимых мест, как Ленские Щеки, остров Столб, в дневнике Матисена обязательно появляется запись: «Художник рисует». Забегая вперед, скажем, что Первая Советская арктическая экспедиция определила творческий путь художника. Его многочисленные картины и этюды, написанные в этой экспедиции, имели большой успех. Некоторые из них до сих пор выставлены в экспозициях Иркутского областного художественного музея, которым Андреев заведовал по возвращении из экспедиции. К сожалению, его талант не смог развернуться в полной мере, так как он умер рано, в сорок лет...

27 июня Степаненко, Чирихин и Андреев совершили восхождение на вершину скалистого острова Столб, откуда Лена начинает дробиться на многочисленные протоки. Они установили там триангуляционный знак и оставили записку в бутылке. С этого момента началось непосредственное исследование устья Лены. Партии Хмызникова и Исполатова приступили к то-посъемке, промеру и ограждению Быковской протоки.

«Внучку» приткнули к берегу острова Дашка. Степаненко и Чирихин начали съемку островов в заливе Неелова, Евгенов — прокладку триангуляции на Быковском полуострове. Матисен с комиссаром Колычевым и Величкиным отправился на поиски угля в бухту Тикси. В качестве переводчика он собирался взять якута Скрябина, но почему-то в последний момент заменил его жителем селения Быковского Василием Ивановичем Расторгуевым.

Вчетвером с большим трудом перетаскивали через перешеек, отделяющий залив Неелова от бухты Тикси, шлюпку-четверку. И тут встретили тунгуса, пасшего стадо оленей. Он помог на оленях перевезти через перешеек имущество экспедиции. Очень жалели, что не встретили его раньше — он бы помог перетаскать и шлюпку.

Вся бухта Тикси была покрыта невзломанным льдом. Матисен даже засомневался, не напутал ли он с датой вскрытия бухты в 1903 г., когда к этому времени уже больше месяца работал в ней на катере. По заберегам на шлюпке прошли совсем недалеко. У «Зари» шлюпку пришлось вытащить на берег. В тот день Матисен записал: ««Заря» плотно стоит на прежнем месте. Корпус ее, наполовину обгоревший (за несколько лет до этого на ее палубе местные охотники развели костер. — С. П.), как будто выпрямился, крен на левую сторону менее заметен. Расстояние до берега-20 сажень».

Решили ждать вскрытия бухты. Матисен ходил на рекогносцировку в южном направлении. Его внимание привлекла уютная бухточка. «Бухта Булункан с двухсаженной глубиной и приглубыми берегами очень удобна для отстоя барж, — записал он 11 июля в дневнике. — Заведя туда баржи, можно защитить их от всякого ветра, так как вход защищен островом Бруснева».

А признаков вскрытия бухты и даже закраин для прохода шлюпки по-прежнему нет. Тогда Матисен решил снова обратиться за помощью к оленеводам. 14 июля на двух нартах, запряженных по три оленя, двух вьючных и четырех верховых тронулись берегом на юг. «Первую остановку мы сделали в устье реки Булункан, — пишет

Матисен, — под горой Громовой (теперь гора Столовая. — С. П.). Там стояла юрта моего старого знакомого Ивана Соловьева, которого называют по-тунгусски Холозай».

Продолжая путь, Матисен искренне радовался, что за 17 прошедших лет он не забыл сложного искусства верховой езды на олене. «Следующая остановка была на месте юрт нанятых нами тунгусов Петра Карякина и Михаила (?) на берегу залива, куда впадает главная река Сого, в устье лагуны при впадении речки Севастьян — место называется Кобчик». Здесь стали на ночевку. Спустя 12 лет, 5 августа 1932 г., на этом месте высадутся 15 первых постоянных жителей Тикси во главе с Е. Н. Фрейбергом, которые начнут строительство полярной станции...

На следующее утро на легкой нарте и верховых оленях направились дальше. «Наш вожатый Александр Несторович Величин, — запишет в тот день Матисен, — неудержимо стремился вперед. Видимо, он волновался и хотел поскорее разрешить всех нас глубоко интересующий угольный вопрос. Тут явилось уже на место самолюбие Величина, великий движитель человеческих поступков. Перейдя вброд речку Сого, мы оставили нарту и тунгусов варить чай, а сами вчетвером пошли за стариком к видневшимся на правом берегу речки оврагам, сплошь заполненным снегом... Характер низменной тундры, болотистая равнина, по которой течет Сого, отсутствие обвалов, скалистых выходов, сдвигов, карнизов, складок и прочих признаков геологических переверотов отнюдь не давали повода подозревать именно здесь местонахождение каменных пород, и в особенности каменного • угля. Признаться сказать, я довольно безнадежно посмотрел на это указание Величина и уже предполагал, что все наши труды пропали даром. Никаких признаков каменного угля не было ни на верху обрыва, ни у его подножия в устье потока от тающего снега».

Величин же упорно утверждал, что это то самое место, где он 17 лет назад выстрелом отбил кусок угля. Но тогда было мало снега и обрыв был доступен осмотру. Матисен для порядка принялся определять место с помощью пеленгов на приметные места бухты Тикси. «Когда я оканчивал наблюдения, — пишет он, — вдруг послышалось «ура» возбужденного голоса Величина. Показался он сам из соседнего оврага с ископаемым в руке. Мы бросились к нему, и нашему общему ликованию не было предела. Забыв комаров, позднее время (3 часа ночи), тотчас приступили к осмотру местности».

Федор Андреевич очень подробно, с большим воодушевлением описывает найденное месторождение. Это место он назвал оврагом Величина и установил столб с надписью: «Экспедиция к устью реки Лена 1920 г.». Он пишет: «Эту надпись под возбуждением сделал я сам, самоотверженно резал, осаждаемый комарами. Итак, легенда воплотилась в действительность, уголь есть в Тикси, место определено и застолблено... Так начинались знаменательные сутки 15 июля, день открытия каменного угля в Тикси». Интересно, как быстро меняет время наши оценки. Созданный по изысканиям Матисена порт Тикси растет и развивается. А Согинское угольное месторождение, которое он считал великим открытием, ныне закрыто как нерентабельное. Прозимовав полтора десятка лет в Тикси перед закрытием этих разработок, вспоминаю теперь согинский уголек чаще с горечью, чем с благодарностью. Много он доставлял трудностей: и доставку его в поселок Тикси, и плохое его качество — большие включения льда и породы. Но мои рассуждения — оценка сытого человека 60-х годов. Если же вспомнить тяжелые, полные лишений военные и первые послевоенные годы, можно смело сказать: согинский уголь спас порт Тикси, а с ним и восточное плечо Северного морского пути.

Недаром давали ордена шахтерам Сого — тяжелым и нужным был их труд.

С началом войны, когда многие топливно-энергетические районы не могли обеспечивать стремительно возросшие потребности Северного морского пути, вспомнили о согинском угле. Нижне-Ленская геологическая экспедиция В. Н. Кузнецова определила запасы этого месторождения, превысившие 10 млн. т. 15 июня 1943 г. здесь был организован угольный рудник Тиксиуголь. К концу года его начальник Г. Т. Езеев рапортовал о добыче первых 14 тыс. т топлива. Им отапливались не только служебные и жилые помещения поселка Тикси, но и Быковский рыбзавод. На нем работала электростанция. И хотя уголь был признан малопригодным как флотское топливо, на нем работал портовый флот...

Но вернемся в далекий 20-й год. Для Матисена тот поход к устью Сого едва не закончился трагически. На другой день после открытия угольного месторождения у него произошел сильнейший сердечный приступ — видимо, от перенапряжения. Пульс упал до сорока. Поднялась температура. Трудно представить, как он выбирался обратно в залив Неелова на пароход «Лена». Сам он в дневнике не распространяется на эту тему. Записи стали предельно лаконичными. Видно, он не очень-то верил в свое выздоровление и даже завещал похоронить его на берегу бухты Тикси.

Резко изменилось отношение Матисена к комиссару экспедиции, которою он во время плавания по Лене просто старался не замечать и сторонился. Перешеек между заливом Неелова и бухтой Тикси, где было пролито столько пота при перетаскивании шлюпки, Матисен назвал перешейком Колычева. Он тогда записал: «Комиссар Виктор Никитич Колычев, астраханец, знающий условия работы на реке и в море». Когда же после болезни Матисена комиссар вывел группу назад, Федор Андреевич в свойственной ему немногословной манере выразился так: «Очень радостно, что политическая и общежитейская сторона вопроса в экспедиции разрешалась у нас удовлетворительно. Политкомиссар Колычев — человек, с которым можно иметь дело».

Долго и тщетно искал я в архивах сведения об этом человеке. В 1961 г. Л. А. Гольденберг и С. П. Носов в «Трудах Института истории естествознания и техники» (т. 37, вып. 2) опубликовали доклад В. Н. Колычева о Первой Советской арктической экспедиции, сделанный 23 января 1921 г. и хранящийся в Центральном государственном архиве Красной Армии СССР. К сожалению, никаких подробностей о комиссаре и его дальнейшей судьбе они привести не смогли. Даже имя и отчество и место предыдущей работы удалось узнать лишь из дневника Матисена.

Колычев в своем докладе говорил: «Как член Р.К.П. полагаю нужным отметить, что край необходимо поднять в культурно-просветительном отношении, крайне желательна посылка опытных и преданных партии агитаторов из якутов или лиц, владеющих якутским языком, для политической и культурно-просветительной работы. Их командировка должна поднять престиж Советской власти и рассеять наблюдаемое местами к ней недоверие со стороны малокультурных темных масс, запуганных местными кулаками».

Доклад заканчивался словами: «Богатый Якутский край ждет богатая будущность». Эти слова коммуниста Колычева полностью разделял беспартийный Матисен.

На последнем этапе экспедиции Матисен почти совсем перестал вести дневник. После болезни он сильно ослаб. «Хочется самому грести, экскурсировать, распоряжаться, работать, охотиться и нет сил, — признается он. — Такое физическое состояние в нашей суровой обстановке влияет на мое настроение».

Впереди был целый месяц напряженных работ. Люди спешили, ибо приближались заморозки. Трудностей в этот месяц было предостаточно. Штормом в конце июля затопило много плавсредств. Приходилось их срочно поднимать и ремонтировать. Буквально бедствовали с обувью. В дневнике Матисена появляются такие записи: «Работать идем босиком. Бедный Хмызников приехал в одной бродне и одном сапоге». Или: «В партии Степаненко вопрос сапог очень остр тоже. Достали четыре пары бродней от местного промышленника Сафроненко. Трудно работать без сапог». 5 августа направились на «Лене» в бухту Тикси. Капитан Н. С. Горовацкий и Ф. А. Матисен провели судно сложным Быковским фарватером благополучно. В Сого накололи несколько мешков угля для проб и высадили описную партию Хмызникова. Затем посетили залив Булункан, заночевали у «Зари» и направились к острову Муостях. Возвращение на остров Дашка Матисен описывает очень лаконично: «9 августа, понедельник. После обеда пошли в Быковскую протоку. Два раза садились на мель перед фарватером Средний. Бочки бакена очень помогают».

Ход промерных работ и съемки в заливе Неелова, второй поход в бухту Тикси в середине августа и завершение экспедиции 1920 г. в дневнике Матисена не отражены. Они, как и ход экспедиции 1921 г., подробно изложены в отчете Н. И. Евгенова, изданном восемь лет спустя: «Материалы экспедиций к устьям рек Лены и Оленёка». К нему мы и отсылаем читателя. Здесь же приведем лишь общие статистические данные Первой Советской арктической экспедиции, приведенные в докладе комиссара В. Н. Колычева. Они обобщают данные матисеновского дневника, которые он дает для каждого исполнителя по отдельности. Вот они: «Пройдено: береговой линии — инструментальной съемкой 213 верст, маршрутной — 70 верст. Величина промера шлюпочного и судового — 780 верст, измерено свыше 7000 глубин. Кроме того, пройдено рекогносцировочной съемкой, промером около 120—130 верст по Трофимовской протоке и около 100 верст по Оленёкской. Построено свыше 60 различного рода знаков и столбов, включая сюда триангуляционные знаки для промера, створы и перевальные столбы ограждения».

В. Н. Колычева на посту комиссара экспедиции в 1921 г. сменил слесарь Жигановского затона М. И. Иванов. Начальником же экспедиции был назначен Н. И. Евгений. Матисен в это время находился в командировке с ответственным поручением в ДВР. По возвращении он должен был ехать в Петроград за новым назначением. Но... О кончине его мы знаем из сообщения иркутской газеты «Власть труда». «23 декабря 1921 г. во 2-м Советском госпитале от сыпного тифа скончался известный полярный исследователь, член Географического общества, сотрудник Рупвода Федор Андреевич Матисен». В помещенном здесь же некрологе говорилось: «В его лице мы потеряли незаурядного, сильного человека, неутомимая практическая деятельность которого была бы так необходима...» Могила Матисена не сохранилась.

Многие участники Первой Советской арктической экспедиции стали известными полярниками. Н. И. Евгений работал на Новой Земле, руководил семью Карскими транспортными экспедициями и Первой Северо-Восточной экспедицией Наркомвода, много лет возглавлял научную часть созданной в 1933 г. Полярной гидрографии, участвовал в высокоширотных экспедициях. За первую лоцию Карского моря ему была присуждена ученая степень доктора географических наук.

Много сделали для исследования якутских рек П. К. Хмызников и Ю. Д. Чирихин. С легкой руки Хмызникова началось судоходство на Яне, с легкой руки Чирихина — на

Индибирке. Хмызников первым в советское время пытался повторить путь «Зари» и обогнуть морем на шхуне Ком-северопути «Белуха» Таймырский полуостров. Затем он участвовал в походе по Северному морскому пути парохода «Челюскин» и астрономически определял местонахождение ледового лагеря Шмидта. Много лет он вместе с Чирихиным работал в полярной гидрографии.

Капитан Н. С. Горовацкий провел на Лене более 60 навигаций. Он был первым директором созданного в 1923 г. Якутского пароходства. Участвовавший в Первой Советской арктической экспедиции в качестве лоцмана якут А. Д. Богатырев тоже вскоре стал капитаном на лучших ленских судах. Он избирался депутатом Верховных Советов РСФСР и Якутской АССР, воспитал целую плеяду известных ныне судоводителей.

Мыс и пролив Евгенова на Северной Земле, проливы Хмызникова и Чирихина в шхерах Минина, пески Горовацкого и отмель Богатырева в дельте Лены — где только не встретишь теперь эти имена! Арктические просторы бороздят гидрографические суда «Федор Матисен» и «Николай Евгенов», грузовой теплоход Северо-Восточного управления морского флота (СВУМФ) «Афанасий Богатырев».

В начале 50-х годов мне довелось работать в бухте Тикси и низовьях Лены, продолжая начатые здесь Матисеном гидрографические исследования. Еще не очень ощутимая толща времени отделяла нас тогда от Первой Советской арктической экспедиции. На картах ещё встречались глубины, добытые ею. На острове Дашка мы нашли даже сохранившийся столб этой экспедиции.

Нам приходилось делать все то же, что в свое время делал Матисен со своими помощниками, — промеры, съемки, нивелировки, ограждение фарватеров. Но все делалось уже на совершенно другом уровне — с большой подробностью и с более высокой точностью. Хотя первое время после войны, когда не хватало механического транспорта и плавсредств, пользовались собачьими упряжками, жили в палатках, много ходили пешком. Подробное обследование залива Неелова, проток Исполатова и Джербай-дахской, капризного Быковского фарватера и подходов к бухте Тикси с моря заняло много лет упорного труда. Очень сложной была установка плавучего ограждения на Ленском баре, пока не установили береговое ограждение.

Но на берегах залива Булункан, где во времена Матисена бродили олени и на заре гоготали дикие гуси, давно жил и работал современный порт, стремительно рос поселок, перевооружалась и Полярная гидрография. Через несколько лет на подробный ледовый промер внутренней части бухты Тикси и залива Булункан я уже ежедневно отправлялся в легковом автомобиле из благоустроенной двухкомнатной квартиры с ванной, паровым отоплением, где, как и тысячи других тиксинцев, жил с семьей.

Данные Матисеном географические названия — перешеек Колычева, протока Исполатова, лагуна Степаненко — давно стали привычными, как будто существовали здесь вечно. Туда ездили и даже ходили в выходные дни на охоту, хотя не только волка или тарбагана, но даже дикого оленя не встречали. Карта Тикси помнит первопроходцев, но не было и нет на ней имени всю жизнь стремившегося сюда Матисена. Оно увековечено на Шпицбергене, на Таймыре, в названии работающего на Чукотке судна. В Тикси же памятью Матисену и возглавляемой им Первой Советской арктической экспедиции остались широко распахнутые морские ворота Якутии.